

Сама попытка создать «становленіе» говорить о томъ же «твердомъ» бытіи. (Вспомните, помимо Гераклита, Зенона съ его недвижущейся стрѣлой). Точно такъ же типичными философами нѣмцевъ являются Кантъ и Гегель съ ихъ абстрактнѣйшими строго логическими системами, совершенно отрѣшенными, отъ всякаго эмпиризма. Для англичанъ, наоборотъ, характерны великіе эмпирики: Милль и Спенсеръ. Типичнымъ философомъ французовъ, вѣроятно, всѣ бы назвали Конта.

Конечно, это дѣленіе, до извѣстной степени, относительно, но, тѣмъ не менѣе, думается, что доля правды въ немъ есть.

Подходя съ этой точки зрѣнія къ Толстому, можетъ-быть, не будетъ ошибкой, если мы назовемъ его самого и его философію типичными именно для русскихъ.

Оглядываясь на прошлое нашей исторіи и, въ частности, на исторію интеллигенціи въ Россіи, мы видимъ, что вся она есть сплошное самопожертвованіе, постоянное и неустанное «положеніе души за други своя», постоянная яркая любовь, не останавливающаяся ни передъ какими жертвами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, едва ли гдѣ найдется большаго отрицанія всякихъ сословныхъ и національныхъ границъ, чѣмъ въ Россіи... Не даромъ еще славянофилы мечтали о роли Россіи, какъ примирительницы всѣхъ народовъ, какъ о Великой Любви, дѣлающей всѣхъ народовъ братьями; не даромъ объ этомъ говорил Достоевскій и съ извѣстными оговорками принималъ В. Соловьевъ. Точно такъ же не безъ причины оказывается вся исторія русской литературы сплошнымъ героизмомъ, постоянной проповѣдью идеаловъ любви и правды, постояннымъ «призывомъ къ подвигу», какъ совершенно вѣрно утверждаетъ С. А. Венгеровъ ¹⁾.

Съ другой стороны—любовь эта была не рационалисти-

---

¹⁾ См. С. А. Венгеровъ. „Героическій характеръ русской литературы“. Его же. „Въ чемъ очарованіе русской литературы“.